Кожны пакліканы быць апосталам

КАРТУЗ-БЕРЕЗА

Культурно-религиозный журнал **Номер 6** **Март 2007**

История одного усыновления
с. 5

Креста не надо бояться

Как много людей носят крест на цепочках: кто-то потому, что верит в Бога, кто-то просто так. Но и те, и другие в большинстве своем боятся креста.

А между тем, крест несет каждый человек, живущий на земле. И у каждого он свой.

Крест бывает «сладкий». Это когда даже не задумываешься, что это крест. Как пример, может быть рождение ребенка. Когда женщина в муках рожает, она очень страдает, но стоит этому родному комочку закричать, она забывает про все страдания. И редкая женщина скажет, что роды – это такое страдание, такой крест! Воспитывая детей, родители несут крест ответственности, но он им не тяжелый, потому что за свои труды, свои страдания они получают огромную радость. Таким же «сладким» может быть любой крест, но многие этого не хотят понять.

Без креста нет спасения. Людей, несущих крест, можно поделить на тех, кто откидывает свой крест и тех, кто заходит в тайну креста, ищет в нем смысл. Человек, откидывающий свой крест, не может спастись. Что значит откинуть свой крест? Это когда обманываешь себя, живешь иллюзиями. Дескать, у меня все прекрасно: я отлично справляюсь со своими проблемами, меня не может коснуться то зло, которое коснулось других. Я успешный, не то, что тот пьянчужка, который издевается над своей семьей, или вор, которого посадили. И здесь таится огромная опасность для человека. Закрываясь от этих «грешных» людей, он начинает их осуждать. Мы осуждаем всех: пьяного соседа, взяточника, жестокого начальника, ленивого ученика, неопрятную подружку, чью-то непутевую дочку. А себя видим чистенькими. На самом деле мы просто боимся даже в мыслях допустить, что тот крест, который несут эти «бедные» люди, может стать нашим крестом.

Обзывая других людей, я заранее не соглашаюсь на этот грех у себя. Почему Бог допускает грех? Потому что грех дает человеку возможность зайти в себя и понять: мы настолько слабы, что не можем сами с собой справиться без помощи Господа.

И вот, отгораживаясь от чужой боли, мы уже перестаем видеть инвалидов на улицах, детей в приютах, стариков. (Я о них не хочу думать – слава Богу, что у меня все хорошо!) Мы уже убиваем собственных детей, не дав им появиться на свет, потому что боимся лишних забот, страданий. Но чем больше мы закрываемся на проблемы чужих людей, тем больше загоняем себя в тупик. И тогда мы теряем свое человеческое лицо. А для Господа – самое главное – это личность. Вспомните, во время войны люди, голодая, могли делиться куском хлеба. В страшных условиях человек оставался человеком! Почему богатые люди так страдают? Больше всего суицида среди богатых? Потому что отбросили крест.

Креста не надо бояться. Бог знает каждого из нас. И знает, кому сколько надо для спасения. Не надо бояться страданий. Они как горькое лекарство от болезни – сначала неприятно, зато потом облегчение. Это страшно, но очень полезно. Крест облагораживает человека, делает его лучше. Иисус Христос приготовил для каждого из нас большие дары. Только помните, что главное для Бога – это личность. Не зависимо от того, вор ли ты, пьяница, больной, здоровый, бедный, богатый. Он любит каждого! Как нельзя лучше об этом сказано в фильме Павла Лунгина «Остров». Почему Бог наделил огромным даром жалкого предателя, а не священника, неустанно просящего о таком даре? Потому что Господь знал, что этот «ничтожный» человек не впадет в гордыню, получив дар, а возлюбит Его всем сердцем.

Ксендз Петр Кубицкий

Стук синички

Здание приюта

Весна прошлого года выдалась на редкость затяжная. Серое небо, слякоть, унылые лица прохожих, бредущих по мостовой… Как-то возвращаясь домой, Наталья Николаевна столкнулась на улице с мальчиком лет трех, который самостоятельно направлялся к магазину. Поинтересовавшись у ребенка, куда же он идет один, женщина услышала: «В магазин». Мальчик хотел есть. Сердобольная Наталья Николаевна купила малышу кое-что из продуктов и поторопилась отвести мальчонку домой. Но выяснилось, что он не нужен своим родителям.

Через несколько месяцев Кирюша попал в приют. А Наталья Николаевна не забывала мальчика. Рассказала о нем своей дочери Инне, ее мужу и внучке. Посоветовавшись, молодые супруги решили разыскать малыша, чтобы принять в свою семью. В эти дни к ним в окно начала стучать синичка… Мальчика нашли в Детском социальном приюте 12 октября, накануне отъезда Кирюши в Минск, где ему должны были делать сложнейшую операцию на сердце. Более двух месяцев ребенок пробыл в больнице. За это время Инна Ивановна оформила документы для создания приемной семьи. Приемные родители навещали Кирюшу, звонили докторам,– справлялись о его здоровье. И всякий раз, когда малышу становилось плохо, появлялась синичка и начинала тревожно стучать в окно. А в тот день, когда Кирюше делали операцию, синичка вообще никуда не улетала, все кружила и кружила…

30 декабря, прямо накануне Нового 2007 года мальчик благополучно вернулся в Березу к новым родителям. Он бросился на шею приемной маме со словами: «Ты все-таки меня нашла!»

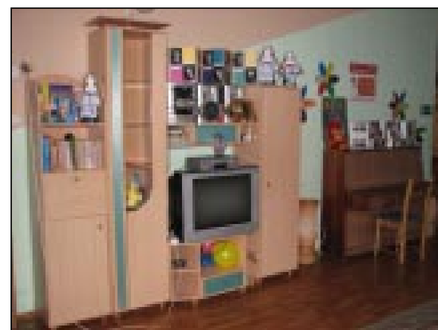
Эту историю мне рассказала Валентина Владимировна Косович, директор Детского социального приюта, который открылся в нашем городе в 2004 году. Подобных историй Валентина Владимировна знает много, ведь только за минувший год в приюте побывало более сорока детей. Тридцать из них вернулись в биологические семьи, десять – в приемные или опекунские. А остальные дети?

Уютное здание... Светлые комнаты, ковры на полу, современная мебель, вкусно пахнет… Доброжелательные лица сотрудников приюта… Старшие дети в Минске на Рождественской елке, младшие уже побывали на представлении во Дворце Республики... Перед Новым годом предприниматель из Березы подарила детям то, что они хотели! Девушка пришла сама, сказала, что видела сон и хочет помочь ребятам. Попросила всех воспитанников приюта написать, что бы они хотели получить на Новый год. О чем же мечтают эти дети? О фломастерах, альбомах для рисования, фруктах, конфетах, тестах по химии для одиннадцатого класса и … семье. Накануне праздника дети получили большие пакеты с подарками… Обстановка почти идеальная! Но «почти» – не считается… На мой вопрос: «Чего вам не хватает?», Валентина Владимировна ответила: «Семей! Именно на воссоединение биологической семьи, на работу с приемными и опекунскими семьями направлена деятельность наших сотрудников. 80 % биологических родителей бросают пить, устраиваются на работу только после того, как их дети попадают в приют. Начав новую жизнь, они забирают своих малышей домой. Такие семьи, - продолжает Валентина Владимировна, – сопровождаются, взрослым оказывается помощь при трудоустройстве. Раз в месяц в приюте проходят встречи восстановившихся семей с теми родителями, которые еще не начали новую жизнь. К сожалению, некоторые из них ее так и не начнут…»

В. В. Косович

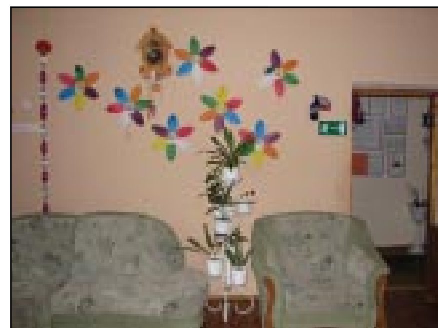
При мне забирали из приюта двух детей дошкольного возраста. Одну девочку увозила в Бобруйск бабушка, а вторая - обрела новых родителей. Как правило, на создание приемной семьи идут люди из сельской местности, со средним достатком, уже имеющие собственных детей. Их цель – сделать счастливым еще одного ребенка. Они прекрасно знают, что эти дети из неблагополучных семей, зачастую с тяжелыми заболеваниями, что будет нелегко морально. Но вы бы слышали, с какой теплотой приемная мама говорила о своей дочке Анечке! О том, что девочка очень умная, легко запоминает сказки, умеет читать и очень ласковая! А Лерочка щедро угощала остающихся в приюте детей зефиром и с удовольствием собиралась в далекий Бобруйск! «Это приятные хлопоты! Дети будут в семье!» – сказала Валентина Владимировна.

Тихий час в приюте

Я уходила из приюта со смешанным чувством… Младшие детишки играли во дворе… А в голове все звучал рассказ о стуке синички и слова Валентины Владимировны: «Нам не хватает семей! Хотя бы гостевых, которые могли бы взять детей на выходные или праздники!»

Светлана Глинская

Комнаты отдыха

Педагог-психолог социально-педагогического центра г. Березы
Елена Каташевич

Когда чужой ребенок становится своим

Ребенок полноценно может развиваться только в семье. К сожалению, все чаще и чаще случаются жизненные трагедии, когда при живых родителях ребенок оказывается социальным сиротой. Это происходит в тех случаях, когда родителей лишают родительских прав. Хорошо, если у ребенка есть родственники, которые готовы стать опекунами. А если таких людей среди родных ребенка нет? В таком случае, ребенок обречен стать воспитанником детского дома.

Во всем мире проблема детского сиротства остается одной из самых волнующих, и наша страна не исключение. В целях защиты прав детей в Беларуси проводится большая работа по устройству детей в семьи. Самой приоритетной формой является усыновление. Кроме этого, возможно также устройство детей в так называемые приемные семьи.

В Березовском районе подготовкой приемных семей занимаются работники нашего городского социально-педагогического центра. В нем будущие приемные родители проходят психологическое тестирование, по результатам которого принимается решение – могут ли они стать приемными родителями. После этого родители посещают занятия обучающей группы, где педагог-психолог, педагог социальный и юрисконсульт рассказывают об особенностях детей, оставшихся без попечения родителей, об адаптации ребенка в новой семье, о формировании привязанности к приемным родителям, об организационно-правовых аспектах создания приемных семей и о многом другом.

В нашем районе уже существует 28 таких семей. Большинство из них проживают в городе Березе и деревне Ревятичи. Часто от таких родителей можно услышать слова горечи: люди, живущие рядом с ними, не понимают мотива их поступка. Мол, берут детей из-за денег. Но разве можно измерить деньгами терпение, искренность, понимание? Никакие деньги не могут компенсировать тот каждодневный внутренний труд, который совершает каждый из таких родителей. Часто нелегко бывает и с собственными детьми. Воспитание же ребенка, который уже получил в жизни душевную травму, – это ответственность вдвойне, и посильна она далеко не каждому. Поэтому хочется сказать таким родителям большое спасибо за их открытое и доброе сердце, за понимание и любовь, которые они дарят своим приемным детям. ■

История одного усыновления

Даже когда в семью берут девочку, это называется усыновлением. Вике было три года, когда ее усыновили. Теперь ей двадцать. Виктория учится в Барановичском технологическом колледже, хотя после школы поступила в Пинское училище искусств. Но не стала там учиться, потому что прошла только на платное отделение. Родители были не против такого образования, но она, зная небольшие доходы семьи, решительно сказала «нет».

Я хорошо помню Викторию по школе, потому что вела в их классе русский. Она ничем не выделялась среди сверстниц, училась, как у нас принято говорить, «средненько». В одиннадцатом классе мы проходили лирику Бориса Пастернака, и я прочитала ребятам стихотворение «Гамлет»:

Гул затих, я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма.
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

Могла ли я подумать, что эта «средненькая» ученица на следующий урок придет в школу с Библией и первой вызовется отвечать домашнее задание. Она анализировала стихотворение, зачитывая отрывки, где Иисус молится в Гефсиманском саду. Она рассуждала так, как не рассуждал ни один ученик в «элитном» классе.

Теперь, когда мы с Викторией встретились, спустя почти четыре года, в том же классе, в первую субботу февраля – день встречи с выпускниками, я напомнила ей ту давнюю историю. На что она ответила:

– А Вы знаете, что я «Гамлета» читала, когда поступала в училище искусств. И мне поставили «пять». Тогда, на уроке, услышав впервые это стихотворение, со мной произошло что-то невероятное. Мне казалось, что стихотворение про меня, я понимала каждую строчку в нем. Только откуда такое ощущение? Неужели что-то произойдет в моей жизни? Что-то неотвратимое? И я, как Иисус, повторяла: «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси!»

Теперь я понимаю, о чем молила.

– **Неужели ты в одиннадцатом классе не знала, что ты усыновленная? Ведь знали все: родные, знакомые, ученики, учителя.**

– Знала даже моя лучшая подруга, а я не знала. Я чувствовала в душе, что что-то не так, что я какая-то особенная что ли.

Когда мне было двенадцать лет, я видела сон. Будто в Березе гулянье, народ собрался на Купалу, за городом, помните, раньше костры жгли. Музыка отовсюду, а я смотрю на небо: большой светлый круг ко мне направляется, и через мгновенье отчетливо вижу Иисуса. Я Его сразу узнала, потому что бабушка мне много рассказывала про Него, она же меня и молиться научила, и в церковь привела. И вот я стою перед Иисусом и не могу понять, почему никто Его не видит, а я вижу. И тут Он мне говорит: «Не бойся, Я всегда буду с тобой!»

– **Вика, но ведь были же какие-то вопросы у тебя к папе с мамой по поводу рождения?**

– Они говорили, что, когда мне исполнится восемнадцать лет, они покажут свидетельство о рождении и ответят на все мои вопросы. Я очень люблю своих папу с мамой, и они меня любят, поэтому мне казалось, что так происходит с каждым ребенком в любой семье: в день его совершеннолетия родители открывают некую историю, тайну его рождения. И я ждала.

Это произошло не в сам день рождения: я отмечала его с друзьями. Но через несколько дней папа с мамой усадили меня перед собой и сказали, что они взяли меня из детского дома. «А я знаю», – сказала я. Но я не знала. Я даже не могу ответить, почему соврала. Возможно, чтобы их не расстраивать. ▶

◀ Первое место, куда мне захотелось пойти после услышанного, – церковь. Придя туда, я не знала, что говорить. Я только произнесла: «Спасибо!»

– Спасибо?

– Я благодарила за то, что мне подарили жизнь. Ведь моя мать могла просто убить меня, сделав то, что делают многие женщины – аборт.

– А ты знаешь своих первых родителей и почему они тебя оставили?

– Мне, конечно же, сразу захотелось все узнать. Я попросила маму помочь мне разыскать их. Оказывается, когда усыновленному ребенку исполняется восемнадцать лет, то детский дом может по его просьбе предоставить информацию о биологической матери. У меня не было к этой женщине ни злости, ни обиды. Я не собиралась ее в чем-то обвинять, чего-то требовать. Мне просто очень хотелось знать ту правду о себе, которую может поведать только мать, родившая ребенка.

Мне дали ее адрес. И я написала письмо. Оно было на двадцать страниц. Я рассказывала о себе, о том, как я жила все эти годы, о маме с папой…

– И она тебе ответила?

– Да. Она писала, что родила меня в студенческие годы и отказалась, потому что боялась сказать своим строгим родителям обо мне. Писала, что они с отцом любили друг друга, но он уехал, не зная, что она ждет ребенка. Потом отец женился, а она так и не вышла замуж. Через несколько лет отец овдовел, оставшись с двумя детьми. Он нашел мою мать, и теперь они живут вместе. Общих детей у них нет. Поэтому я единственная и у тех, и у этих родителей (*улыбается).* Отец знает обо мне. Но об этой истории не знает никто в их городе, и поэтому они боятся со мной встречаться. А я не настаиваю. Я не хочу портить им жизнь.

– Откуда в тебе столько сил? Ведь это тяжело.

– Я читала много историй про усыновленных детей. Знаю, что бывает, когда ребенок узнает правду: кто-то уходит из дома, у кого-то нервный срыв, желание отомстить, случается даже самоубийство. Что спасло меня? Любовь. Любовь мамы с папой и Бога. Я счастливый человек, правда. А когда бывает очень плохо, я говорю: «Господи, Ты же обещал, что никогда меня не оставишь!»

– Виктория, по-твоему, обязательно нужно говорить усыновленным детям правду об их появлении в семье?

– Обязательно. И чем раньше, тем лучше. Этого не надо бояться. Ведь правду знают все: папа с мамой, соседи, сослуживцы на работе, учителя, социальные службы. Получается, не знает только сам ребенок, потому что его обманывают. Однажды ко мне на улице подошла совершенно незнакомая девушка и сказала: «Я знаю о тебе то, чего не знаешь ты». Но я тогда уже знала.

И вот еще что хочу сказать: не надо бояться брать в семью чужого ребенка. Рассказы о том, что алкоголизм, наркомания, проституция передаются по наследству – выдумка. Давно доказано генетиками: эти родительские «грехи» детям не передаются. Есть много литературы на эту тему, церковь об этом говорит. Но наши люди скорее поверят соседке, чем ученому или священнику.

В стране много семей, лишенных радости воспитывать детей. Зачем мучить себя искусственным оплодотворением, когда детские дома и приюты переполнены? Вы думаете, тем детям много надо? Однажды я в детском доме разговаривала с четырехлетней девочкой: «Чего ты хочешь больше всего?» – «Иметь маму и папу». «А если бы тебя взяли в семью, что бы ты попросила у мамы с папой?» Знаете, что она ответила: «Хлеба!» А ведь дети там не голодают. Им просто надо не так много, как кажется.

Ирина Богуш

Бедный гусенок

При крещении ей дали имя Анны Франчески, а в семье и в селении ее звали Анеттой. Она пришла в этот мир в небольшом селении Колли Беричи вблизи Виченцы, в семье бедных и неграмотных крестьян. Ее мать была доброй женщиной, а отец – грубым и скандальным человеком, а когда находился во власти вина и ревности, то мучил жену подозрениями и упреками, а то и криками и даже побоями.

Анетта ходила в трехлетнюю начальную школу – в их селе была только такая, но осталась на второй год в первом классе, что было редкостью даже для того времени. Так и в школе, и в селении она получила жестокое прозвище, которое навсегда закрепится за ней и в монастыре: «бедный гусенок».

Рискуя дать повод молве о нашем неверии и сомнениях, мы могли бы вообразить что-то похожее на разговор на небесах между Богом и Его Врагом (подобный библейской истории Иова) и сказать Владыке Вселенной: «Вот создание поистине униженное, попробуй сделать из нее святую, если Тебе удастся!»

И Бог принял вызов.

Он не превратил золушку в принцессу, чтобы заблистала ее скрытая красота, Он просто использовал в Своем замысле именно те страдания, которые педагоги и психологи умеют так хорошо предвидеть и описать.

Застенчивая, неловкая, внешне неказистая, всегда на последнем месте – такой Анетта останется на всю жизнь. Но именно там, в конце стола, Иисус посмотрел на нее с любовью, как обещал в своей притче, и позвал ее занять место рядом со своим сердцем.

Когда отец был раздражен, а дом печален и холоден, она научилась от матери искать убежища в сельской церквушке как в родном доме. Она шла туда каждое утро, очень рано, держа башмаки под мышкой, чтобы не стоптать их до срока. Там она ясно понимала, что такое семья, и чувствовала себя в мире со всеми, даже с отцом, на которого никогда никому не жаловалась. Впрочем, отец в душе никогда не был злым, он был лишь ожесточен невзгодами и вином и иногда наблюдал, как девочка пыталась молиться даже дома. И когда – именно ему! – придется свидетельствовать на процессах канонизации дочери, он признается, что иногда, видя, как девочка молится на коленях в каком-нибудь углу, он чувствовал «ком в горле», и ему казалось, он «теряет сознание, и у него появлялось желание тоже прочесть молитву».

В школе на нее не обращали внимания, считая несколько отстающей в развитии; порой у нее даже не проверяли домашних заданий, и подруги с жестокостью, свойственной возрасту, не упускали случая напомнить ей об этом. «Ну а мне-то что?» – кротко отвечала девочка, действительно не испытывая ни возмущения, ни гнева.

Только один раз учительница и подруги смутились перед ней, как бы заглянув в ее неведомый им мир. На Страстной неделе учительница рассказала о страстях Иисусовых, и Анетта разразилась безутешным рыданием: «Я плачу из-за страданий Господа! Какие жестокие люди!» – объяснила девочка на своем диалекте.

Священник, посмотревший на это создание более проницательным взглядом, вопреки мнению и удивлению всех, допустил ее к первому причастию в восемь с половиной лет, в то время как необходимый для этого возраст был одиннадцать лет.

Когда Анетте исполнилось двенадцать, священник, снова вопреки существующим правилам, принимает ее в ассоциацию «Дочерей Марии», куда принимали девочек только после четырнадцати лет. Этот святой отец заглянул к ней в душу, полюбил ее, и она не казалась ему такой уже невежественной. Он подарил ей катехизис, интуитивно поняв, что она всегда будет держать его при себе и ежедневно изучать. Катехизис найдут в кармане ее платья, когда она умрет в возрасте тридцати четырех лет.

Но и священник был удивлен, когда пятнадцатилетняя девочка поведала ему о желании посвятить себя Богу в любом заведении, по его выбору.

– Но ведь ты ничего не умеешь! Монахини не будут знать, что с тобой делать!

– Это правда, отец, – искренне отвечала девочка.

И тогда он объяснил ей, что лучше для нее остаться дома и помогать в полевых работах.

Но потом, когда священник остался один перед Святейшим, он понял, что все не так просто. Встретив ее вновь, он спросил:

– Ты еще намерена уйти в монастырь? Но скажи мне, умеешь ли ты по крайней мере чистить картофель?

– О да, отец, это – да!

– Хорошо, этого достаточно!

Она вошла в монастырь, убежденная в том, что, принимая ее туда, ей оказывают большую честь, незаслуженное одолжение, и что «последнее место» для нее было бы всегда справедливым, оно ей полагалось.

Вначале ее отец испытал досаду при мысли о необходимости дать ей несколько сотен лир в качестве вступительного взноса, даже самого мизерного, но потом принял решение: «Если она считает, что ее судьба там… Дада, я дам ей, что положено, и пусть она идет своей дорогой!» Так человек, не сумевший стать хорошим отцом, смог произнести слова, исполненные тайны и «объективной веры». И именно он проводит ее в монастырь, таща за собой тележку с бедным приданым дочери. Эта земная картина непременно должна была растрогать Отца Небесного, Который удостоит этого неотесанного и маловерующего человека благодати благочестиво умереть в старости, окруженным почитанием и любовью, благодаря дочери, ставшей святой.

Анетта, а теперь сестра Бертилла, действительно была уверена, что она – «ничто» и что другие – образованные и способные – гораздо лучше ее, а потому имеют право на ее заботу и ее услуги. Она приходила к воспитательнице и просила ее с обезоруживающей искренностью: «Я ни на что не гожусь. Научите меня, что мне делать. Я хочу стать святой».

Для нас, готовых зубами защищать те немногие привилегии, которых мы добились, это было бы вопросом собственного достоинства. Мы боимся или даже стыдимся заявить, что хотим стать святыми. Она же считала это правом и необходимостью. Другими словами, за нашим мнимым досто- ▶

◀ инством часто скрывается весьма хрупкое и неуверенное «я», а покорность и даже самоунижение Бертиллы таили в себе «я», которое было весомее и чище бриллианта.

Стремление к святости и уверенность, что и для нее это возможно с Божьей помощью, защитили ее от ухода в себя, от нервного истощения, от жизненного кризиса.

В конце первого года послушничества ее направили в больницу Тревизо, потому что там была тяжелая обстановка, в том числе с моральной точки зрения, и было решено, что кроткая простота разрядит атмосферу. Там ожидала ее настоятельница, деятельная и энергичная, которая с первого взгляда составила о ней весьма нелестное мнение и послала ее в кухню на подсобные работы. Там Мария Бертилла оставалась целый год, без перерыва, среди кухонных плит, кастрюль и водосточных труб.

Конечно, ее сокровенным желанием был уход за больными, но ей велели сидеть на кухне и управляться с посудой. Она научилась мыть тарелки и молиться: «Господи, вымой мою душу и подготовь ее к завтрашнему причастию». Если бы она делала свою работу с жалобой на устах и в сердце, она была бы рабой, но с этой молитвой, со своего последнего места, она взирала на Господа, и этого ей было достаточно, чтобы почувствовать себя приглашенной на трапезу с Самим Богом.

Однажды в одном из самых трудных и требующих деликатного подхода отделений не оказалось старшей сестры. Сначала настоятельница прогнала как искушение саму мысль о том, чтобы поручить такую ответственность сестре Бертилле, но никого другого не было. Она даже помолилась, прося прощения у Бога за совершаемое неблагоразумие, но потом все же доверила ей отделение.

Так, в двадцать лет Бертилла начала свою миссию медсестры. Это было детское инфекционное отделение. Почти все дети были больны дифтеритом, их подвергали трахеотомии и интубации, поэтому они нуждались в почти непрерывной помощи: малейшая рассеянность могла стоить жизни ребенку. Кроме того, отделение работало в постоянном и срочном режиме, вне расписания, без контактов с внешним миром, даже на время ежедневной службы.

Следует перечислить свидетельства докторов, у которых Бертилла была ассистенткой. Вот некоторые из них:

* «В отделение поступали дети, больные дифтеритом, их вырвали из семьи, и они находились в таком возбуждении и отчаянии, что их трудно было успокоить. Первые два-три дня они напоминали маленьких зверьков: дрались, кувыркались под кроватью, отказывались от пищи. И сестре Бертилле быстро удавалось стать мамой для всех. Через два-три часа ребенок, только что рыдавший в отчаянии, цеплялся за нее, как за материнскую юбку, и, успокоившись, следовал за ней повсюду. Отделение представляло трогательное зрелище: грозди детей, виснувших на ней. Отделение действительно образцовое».

* «Сестра Бертилла всегда создавала впечатление, что над ней есть кто-то подталкивающий и ведущий ее, потому что она в своей миссии сострадания и милосердия возвышалась над другими. Она, которая, казалось, не имела никаких особых качеств, возвышающих ее над другими, – ни ума, ни культуры, действительно производила впечатление человека, ведомого ангелом… Даже с медицинской точки зрения кажется невозможным, чтобы человек, подобно сестре Бертилле, проводил одну, две, три, пятнадцать бессонных ночей, после чего появлялся бы таким, как всегда, небрежно относящимся к самому себе, не выказывающим ни тени усталости, ни болезни, если, повторяю не предположить, что существовало нечто внутри или вне его, что возвышало его над всеми… Кроме того, она оказывала такое влияние на других и владела

таким даром убеждения, что всего этого нельзя было встретить ни у кого другого…»

Заметим, что врач, описывающий ее, был вольнодумцем, масоном, который потом обратится в истинную веру, когда увидит, как она будет умирать, «исполненная радости».

В 1915 году вспыхнула война. «В эти дни войны и страха, – писала Бертилла в свей тетрадке, – я говорю: «Иду! Я здесь, Господь, чтобы исполнить Твою волю, чем бы она ни была – жизнью, смертью, ужасом». Во время войны она ухаживала за ранеными, которыми был переполнен госпиталь. «Занятая уходом за солдатами, больными туберкулезом, находящимися на последнем этаже гостиницы, приспособленной под больницу, – вспоминает один полковой священник, – она изматывала себя заботами и милосердием, ухаживая за ними как мать за сыном, как сестра за братом».

Наградой же ей были лишь замечания придирчивой настоятельницы, обеспокоенной тем, что Бертилла слишком привязывается к своим солдатам. Ее уход и забота казались настоятельнице чрезмерными, да и больные слишком привязывались к ней. Она освободила ее от ответственности за лечебное отделение и направила в прачечную, где Бертилла должна была сортировать отвратительные горы заразного белья. Более того, поскольку настоятельница считала, что эта работа низкооплачиваемая, она то и дело замечала (с жестокостью, на которую посредственные люди способны даже более, чем злые), что Бертилла «не зарабатывала даже на хлеб, который ела». Она сделала так, что главная настоятельница позвала Бертиллу к себе: «Я здесь, мать, – сказала она, придя туда, – я здесь – бесполезная сестра, неспособная служить обществу».

Для нее это был момент «страстей»: Иисус воспользовался непониманием людей, чтобы принять молитву, которую она часто к нему обращала: «Чтобы быть всегда с Тобой на Небе, я хочу разделить с Тобой здесь, на земле, все горести этой долины слез. Я хочу сильно любить тебя, идя на жертвы, на крест, на страдания».

Кто хочет во что бы то ни стало избегать страданий, никогда не сможет понять, какое чудо происходит, когда желание соучаствовать в Кресте Христовом овладевает сердцем: как будто страсти Христовы повторяются для нас ради спасения всех. И главная настоятельница, которая ее любила, дала ей поручение, бывшее для Бертиллы лучше всякой премии. Она послала ее на виллу вблизи Монте Берико ухаживать за семинаристами, которых постигла эпидемия лихорадки, не обошедшей и семинарии. Таким образом, она могла лечить юношей, предназначенных в будущем стать священниками – самыми ценными членами Тела Христова.

Через пять месяцев она опять вернулась в Тревизо к своим заразным детям, поскольку на нее поступил запрос от главного врача лечебного отделения. Та же доброта, та же кротость, то же спокойствие и то же непреклонное стремление к самоотдаче, несмотря на опухоль, которая уже давно разъедала ее организм. В двадцать лет ее прооперировали, но болезнь не отступила. Кроме того, она не обращала внимания на симптомы еще и из ложного, непреодолимого стыда.

Доктор Дзуккарди Мерли (вольнодумец и масон, о котором мы уже говорили) наблюдал, как она умирала, и чувствовал, как меняется его душа: «Я могу утверждать, что заря моего духовного преображения началась тогда, кода я увидел, как умирает сестра Бертилла. Действительно, для нее, руку которой я поцеловал перед самой ее смертью, смерть была радостью, это было очевидно всем. Она умерла так, как не умирал на моей памяти никто другой, как будто она уже находилась в лучшей жизни… Мучимая тяжелейшей болезнью, обескровленная, сознавая, что умирает, в том состоянии, когда больной обычно цепляется за врача в поисках спасения, она произносила слова, которые трудно даже повторить: «Будьте довольны, сестры, я ухожу к Моему Богу». Мне впервые захотелось критически взглянуть на себя, и теперь я полагаю, что это было первым чудом сестры Бертиллы. Я подумал про себя: «Это создание как бы вне нас, хотя она еще жива». Так скромная сестричка увлекла за собой этого интеллектуала, гордого своей наукой и свободомыслием. Это сделала именно она, умирающая, с истрепанным катехизисом в кармане платья, часто повторяющая: «Я бедная невежда, но я верю во все то, во что верит Церковь». ■

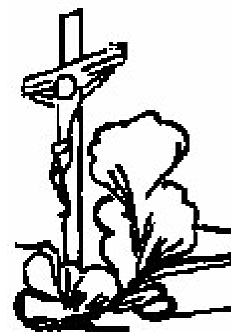
Малітва св. Францішка аб духу любові

Учыні мяне, Пане, прыладаю Твайго спакою, каб нёс любоў туды, дзе пануе нянавісць, каб прабачаў там, дзе абражаюць, каб яднаў там, дзе сварка і звада, каб праўду казаў там, дзе ёсць фальш, каб нёс веру туды, дзе ёсць сумненне, каб абуджаў надзею, дзе пануе роспач, каб распаліў святло там, дзе валадарыць цемра, каб нёс радасць там, дзе турбуе неспакой.

Учыні, каб не шукаў я суцяшэння, а суцяшаў іншых, каб не толькі прагнуў разумення, але каб разумеў іншых, каб не шукаў уласнай любові, а любіў іншых.

Бо той, хто дае, заўсёды атрымлівае, хто не шукае свайго, той знаходзіць, хто прабачае, таму будзе прабачана, бо, паміраючы, нараджаемся для жыцця вечнага. Амэн.

АНГЕЛОЧЕК

Здравствуй, друг!

Ты помнишь, какое время мы сейчас переживаем? Правильно, Великий пост. На протяжении этого месяца все люди будут вспоминать муки и смерть Иисуса на кресте. Это грустное время, поэтому мы должны молиться и скромно себя вести. В Великий пост никто не веселится, все стараются совершать добрые поступки, чтобы не огорчать Бога. Я буду очень рад, если ты будешь много молиться и участвовать в Крестном пути. Постарайся не делать плохого своим ближним. Я тебе в этом обязательно помогу.

Кроссворд

По горизонтали:

1. Нательный …

4. Понтий …

6. Гора, где распяли Христа.

9. Город, где находился древний еврейский храм.

12. Третья остановка Крестного Пути.

16. Напиток, которым смачивали губы распятому.

17. Вестник Бога.

18. …пост.

19. Он помогал Христу нести крест.

21. Первой пришла ко гробу.

22. Опекун Иисуса Христа.

По вертикали:

2. Был распят вместе с Иисусом Христом.

3. Место, куда стремятся все христиане.

4. Хвалебное песнопение.

5. Тело Христа во время Мессы.

6. Сад, в котором молился Иисус.

7. Библейский предатель.

8. Ученик, который трижды отрекся от Христа.

10. Он всегда был рядом с Христом.

11. Пелена, на которой отпечаталось Тело и Лик Распятого Иисуса Христа.

13. Еврейский царь, убивший младенцев.

14. «Иисус, ты моя …» (из песни).

15. … путь.

18. Кровь Христа во время Мессы.

20. Животное, присутствовавшее при рождении Мессии.

23. «Неверующий» апостол.

Страничку подготовили Людмила и Светлана Головко

Так случилось, что я живу один

Он всегда берет в конце августа отпуск, чтобы пойти в паломничество. Там, как, впрочем, и в костеле, он незаменимый человек.

Виктора Позняка в приходе знают все. Веселый, аккуратный, подтянутый, он не может не обратить на себя внимания. Он мог бы наверняка стать хорошим мужем и отцом, но так сложилось, что он живет один.

Я не один

У меня нет своей семьи, но одиноким я себя не чувствую. Конечно, хотелось бы по-другому, но у Бога свои планы.

Я рос в простой семье. Нас было трое детей, из которых я младший. Как и все, мечтал создать собственную семью. Встречался с девушками. С одной отношения были серьезные, уже дело шло к свадьбе. Но мы поссорились, и никто не пошел на примирение. Я тогда подумал, если мы сейчас не можем ужиться, то что же будет дальше. Две половинки не стали одним целым.

Потом у моей сестры умер муж, а Надежда носила под сердцем малыша. Конечно, поднимали ребенка вдвоем. В какой-то мере я заменил ему отца. Беда не приходит одна. Через несколько лет умер мой старший брат, оставив жену с восьмилетним сынишкой на руках. Я стал помогать им как мог.

Огромной поддержкой для меня были родители. Особенно мама. Она так радовалась, что я пришел в костел. Когда строился храм, мама меня отправляла на стройку, даже если дома была неотложная работа.

Паломничество

Мне было тридцать пять лет, когда я исповедовался и принял первое причастие. С тех пор это стало моей второй жизнью.

Помню, как только открылся костел в Сигневичах, мама попросила проводить ее к автобусу. Это было на Пасху. Я не собирался провожать маму дальше остановки, но, когда подъехал автобус, меня как будто кто-то подтолкнул: а ты почему не едешь? Так я впервые очутился в храме.

Еще очень запомнилась поездка в Польшу к родственникам, когда мы вместе оправились в костел. Тоже на Пасху. Народу было так много, что мы растерялись в толпе. Ко мне вдруг подходит незнакомый мужчина и просит о помощи. Как оказалось, нужно было нести балдахин над ксендзом. Для меня это были совершенно новые ощущения. Теперь я понимаю, что уже тогда Бог потихоньку вел меня своей дорогой.

А затем началось строительство костела в Березе. Поначалу меня увлекала сама стройка. Но чем чаще я бывал на этой стройке, тем сильнее стало притягивать.

Одним из самых тяжелых испытаний стало мое первое паломничество в Будслав. Вернее, возвращение. Я очень просил в пилигримке о здоровье для своих родных. А когда вернулся домой, то меня ждала печальная весть: мама серьезно заболела. Она упала, сильно ушиблась и после этого слегла. Я был на распутье! Как же так? Ведь я молился, а что получил! Это было сильное испытание. Но Бог дал силы не сломаться.

Я старости не боюсь

Как у каждого человека, конечно, бывают кризисы, даже срывы. Бывает, и выпью.

Только потом стыд одолевает: что я делаю? Ведь я хожу в костел. В меня верят, во мне нуждаются, а я! Пообещал и не выполнил. Надо искать силы подняться. Но сам по себе человек не может ничего преодолеть, это я точно знаю. Только с Богом.

Еще мне очень помогает наша пани Казя. Мы с ней общаемся, говорим о Боге. Она была очень рада моему приходу в костел. Эта женщина в своем «одиночестве» счастлива. Счастлива, что не нужно отрываться на быт, а можно полностью посвятить себя Богу. Она научила меня не бояться старости и одиночества. Раз Бог вел меня такой дорогой, значит, и до конца не оставит – есть у Него свои планы и на этот счет.

Людмила Дубовская

Малітва самотнага чалавека

Пане мой і Божа, так склалася, што жыву я ў адзіноце. Часам цешыць мяне мая свабода, але часта прыгнятае мяне мая самота і сам у сябе пытаю: якая карысць з такога жыцця?

Дай мне зразумець, што мая самота – гэта не пакінутасць, што я вольны для таго, каб дапамагаць людзям, што я адзін, каб жыць для многіх, што мая любоў патрэбна іншым. Натхні мяне надзеяй, каб маё жыццё стала служэннем. Амэн.

Огонек надежды

С каждым годом нас становится все больше. А может, не больше. Скорее, мы просто стали смелее. Нам уже не хватает лавочки у подъезда и четырех стен квартиры, пусть даже самой уютной в мире. Мы постепенно учимся преодолевать неподъемные ступеньки, неудобные тротуары – барьеры нашей «безбарьерной среды», а еще, что, пожалуй, самое сложное, – равнодушие или самую откровенную неприязнь. Мы, не спросясь, врываемся в твою жизнь, заставляя, может быть, о чем-то задумываться, а порой и вздрагивать.

Уже не первый год существует в Березе клуб молодых инвалидов «Огонек надежды». В среднем его членам – 20-27 лет. Создание этого клуба – не прихоть, а скорее необходимость. Ведь сытый голодного никогда не поймет, а здесь ребята могут спокойно говорить о наболевшем, зная, что никто их не высмеет и не осудит за искренние слова, за боль, вырвавшуюся из самых глубин настрадавшегося сердца. Молодым людям, объединенным горьким словом «инвалидность», не нужно слепое сочувствие или косые взгляды на улицах.

В самом начале существования клуба ребят надо было в прямом смысле слова расшевелить, ведь каждый из нас пришел сюда со своей болью и обидой. Мы напоминали маленьких колючих ежиков: я не скажу никому о том, что творится у меня на душе, и не стоит стараться. Да и говорить о себе мы стали не сразу. Но вскоре, благодаря усилиям психолога и социальных работников, послышался звонкий и искренний смех «Царевны-Несмеяны». Оказалось, что самые молчаливые и несговорчивые могут рассказать много нового и интересного.

Где-то около года назад ребят потянуло на творческий путь. С участием инвалидов-колясочников была создана танцевальная группа «Импульс», для самых маленьких ребята готовят постановки кукольного театра, в планах – «человеческий» театр со спектаклем «Ромео и Джульетта».

Мы выезжаем за город отдыхать. А самые активные даже отдыхали в палаточном городке под Минском и принимали участие в КВНе, проходившем в г. Бресте.

Занимаются члены клуба «Огонек надежды» и общественно-полезным трудом – изготавливают сувенирную продукцию, получая за свой труд зарплату и увеличивая трудовой стаж.

Мы с тобой обязательно когда-нибудь встретимся на улицах нашего городка. Только, пожалуйста, не надо провожать меня недоуменным взглядом или, наоборот, делать вид, что я – всего лишь пустое место. Знаешь, мне тоже, как и тебе, хотелось бы ничего не знать об инвалидных колясках, протезах, костылях и адской боли, которая не дает мне сомкнуть ночью глаз. Мне бы хотелось легко, как тебе, бежать по улицам моего городка, не считая ступенек, ухабов и колдобин, догонять вечно спешащий мир.

Но человек полагает, а Бог располагает…

Людмила,
член клуба «Огонек надежды»

За что бабу Маню

Что можно подумать о женщине, которая каждую ночь, в три часа, выходит из дому и идет к кресту у дороги? В деревне решили, что она ведьма.

А она ходила молиться, чтобы ее сын перестал пить. А ночью – чтоб людей не шокировать. Но кто-то все же увидел, и поползли слухи, что баба Маня – ведьма. Как это бывает со сплетней, до того, о ком судачат, она дошла в последнюю очередь. Тогда баба Маня прекратила свои ночные паломничества и стала дома ложиться крестом на пол, с розарием в руках, и просить, просить… Просила долго. Семь лет. И выпросила. Вымолила.

«Если бы мой сын жил здесь, близко возле меня, он бы не спился: я бы этого никогда не допустила», – говорит с полной уверенностью женщина, которой семьдесят два года. Рост не выше ста пятидесяти сантиметров. Худенькая, в вязаном жилете, подпоясанном ремешком. Лицо живое, и глаза – два огонька. Такой предстала перед нами Мария Новик, Гайковчиха, как называют ее в деревне, потому что муж ее из Гайка.

Много лет назад Мария, выйдя замуж, попала в семью, где мужчины любили выпить. Выросшая в непьющей семье, она и представить не могла, какое это зло – водка. И уж совсем не ожидала, что всю жизнь придется жить с пьяницей-мужем.

«Я не смогла его вымолить, – говорит Мария о муже. – Сколько просила, плакала, молилась, ничего не помогло. Великий был алкаш. Пил с детства, а батьки не обратили внимания, видно. Потом стал все пропивать, бить меня, забросил хозяйство. Помню, поехал с мужиками на Украину в заработки, вернулся без копейки, руки трясутся. Говорит, что от работы. А, оказалось, пил беспробудно, да еще, как потом мне сказали, жил там с какой-то кладовщицей. Господи, что я тогда пережила! Хату несколько раз палил – засыпал с непотушенной папиросой. Меня выгонит, сам уснет, а я пилную на улице, чтоб не сгорела. Соседей звала на помощь.

А когда я продала одну корову, потребовал деньги. Но я не дала. На мне четверо детей – их одевать в школу надо! Так он, представляете, подал в суд на раздел имущества! Я ему говорю: «Если скажешь, какой масти была наша корова, я тебе дам половину денег». Думаете, вспомнил? Он же в хлев не заходил. И сено мы с детьми сами заготавливали. Хотя руки у моего мужика были золотые. Всякую специальность имел в руках: столярку, печь сделать. Людям помогал. Но все, что зарабатывал, пропивал. Вот что водка с людьми делает. А был красивый, высокий, статный. Он и умер от водки, печень разложилась».

Самое главное для бабы Мани было спасти детей. За дочек она не боялась. А вот за сыновей… Нет, она видела, что хлопцы растут работящие, мастеровитые, добрые. Ходили вместе с сестрами помогать доить коров на ферму, пока не было электродоек (баба Маня всю жизнь проработала дояркой). Но как удержать от пьянства их, видевших каждый день нетрезвого отца? Воспитывала детей в строгости. И молилась. Не было такого дня, чтобы она не просила Бога о помощи. А по большим праздникам ездила на велосипеде в Ружаны в костел (80 километров).

Дети слушались, даже побаивались. «Однажды младшая дочка, – вспоминает баба Маня, – прибежала и говорит, что Петька на улице курит со своим другом. Я туда. Так то мое дитя не знало, куда деть папиросу. Зажал в кулаке, аж спалил руку. Но с тех пор не курит. А ему уже далеко за сорок.

А недавно гуляли на свадьбе, – продолжает баба Маня о младшем сыне. – Когда свадьба была в разгаре, ко мне подошла невестка и говорит: «Мама, спасайте, Петя сидит в другом конце стола с мужчинами и уже налил вторую полную рюмку, а ему завтра в рейс (сын мой – дальнобойщик)». Я

ведьмой обозвали

встаю и иду к нему (*баба Маня показывает, как она плавно, не торопясь подходит*) и говорю спокойно, без крика: «Чтобы через пять минут я тебя за столом не видела». И отошла. Не прошло и двух минут, как мой Петя уже был на улице. Невестка потом говорит: «Мама, что мы будем делать, когда вас не станет?» – «Не волнуйтесь, я собираюсь жить до ста лет».

Трудно в это поверить, глядя на маленькую женщину, но очевидно, что она сумела воспитать своих детей так, что они не могут ее не послушать. «Я им всегда говорила: будете слушать меня – будете жить хорошо, не будете слушать – будете жить плохо, – уверенно повторяет баба Маня. – Если бы мой старший сын жил здесь, близко возле меня, он бы не спился».

И баба Маня поведала историю о сыне, который служил в Крыму, да там и остался жить:

«Он написал мне письмо, что хочет жениться на женщине, у которой есть ребенок. Я, конечно, расстроилась, стала отговаривать. Теперь думаю: грешила перед Богом: он полюбил ее, принял сына как родного. И я их приняла. Они приезжали сюда, мы к ним ездили. Потом дочка моя поехала в гости к брату и нашла себе мужа в Феодосии. Хорошо жили. Богато. Сына очень уважали все в городе, он трудолюбивый, добрый. Деток у них пятеро. Помню, как моя сваха сказала при встрече: «Какого вы сына воспитали хорошего!» А я ей: «Не спешите хвалить, похвалите через семь лет, а не через семь недель». Как в воду глядела. Пить начал мой Валера.

Мне долгое время никто не говорил. Боялись сказать. Смотрю, письма стали реже приходить, потом и вовсе замолчал. Я когда узнала!.. Вам не передать, что я чувствовала. Кому я только ни молилась, у кого ни просила помощи! Читаю-читаю молитвы, до какого святого дойду, у того и прошу ратунку, упавши на колени. Потом стала ходить к кресту в три часа ночи и просить Иисуса, чтоб спас моего сыночка. А дальше еще хуже. Узнала я, что и невестка пить начала. Из дома вещи стали продавать и пропивать. Детей забросили. Катьке, внучке, совсем мало лет было. Ко мне ее привезли. А до этого старшая внучка, Яночка, приехала сюда с мужем, да и остались у нас жить. Я их научила в Бога верить. В соседней деревне им домик колхоз дал, работали там. Теперь в Ивацевичах живут.

А я все не теряла надежды, неустанно молилась за сына. Яночка как увидела однажды, что я крестом лежу среди комнаты, испугалась. А когда поехала в Феодосию, рассказала отцу: «Что ж ты с нашей бабой Маней делаешь? Знаешь, сколько она из-за тебя слез выплакала. Если б видел ты, – говорит, – как она молится, чтоб ты пить перестал. Ты ж ее убьешь!» И что-то дрогнуло, наверно, у этого пьяницы, остановился, но не надолго, на неделю. А потом по новой. Даже когда дочка его умирала после родов, он в это время пьяный валялся, ничего не видел. Боже, как это страшно!

И вот прошлым летом, после долгих лет, он ко мне приехал. Я не поверила своим глазам. Он думал, что едет ко мне на семидесятилетие, а мне уже было семьдесят два – годы мои потерял. Приехал с большим букетом живых цветов, стал просить прощения. Помню, как вышел из хаты (куда-то идти собрался), а я гляжу в окно: на пороге повернулся и перекрестился. Я позвала его в сени и давай ему руки целовать за то, что Бога не забыл.

С тех пор не пьет, сам бросил, без всякой кодировки. Невестка за ним потянулась – перестала пить. Катьку забрали к себе. Теперь моя внучечка уже в десятом классе. Работают мои дети, купили машину».

***

А баба Маня сейчас живет одна. В своем красивом доме, во дворе которого весной появятся цветы и будут цвести, сменяя друг друга, до поздней осени. Она не смотрит телевизор и не слушает радио, потому что их у нее просто нет. Вяжет, вышивает, ухаживает за домашними растениями – их у бабы Мани очень много, и растут они превосходно, потому что ни разу она не полила цветы без молитвы:

Сад мой райский пред Богом мал,
Чтобы с Божьей помощью не пропадал. Амен.

А молитв баба Маня знает немало: и православных, и католических. К ней часто обращаются те, у кого болят зубы. У самой же только двух зубов недостает. К врачам она не ходит – очень уколов боится. Таблеток дома не держит.

Еще эта женщина верит в чудеса! И рассказала о последнем чуде, которое произошло не так давно и касается ее любимой внучки Яночки, той, которая когда-то переехала к бабе Мане из Феодосии:

«Я сказала Яне, чтоб она вышила крестиком Николая Чудотворца. Долго моя внучка вышивала эту икону. А когда закончила, в жизни ее семьи произошли невероятные изменения. Они вчетвером жили в небольшом старом домике. Чтобы построить новый, нужны были деньги. А в колхозе, сами знаете, зарплаты невысокие. И тут однажды средь бела дня подъезжает к их дому машина, из нее выходит представительный мужчина – и в дом. «Хочу, – говорит, – предложить вам с мужем работу и дом четырехкомнатный в Ивацевичах, так как наслышан о вас как о хороших специалистах и добрых людях».

Мои дети просто не поверили своим ушам. Но на следующий день тот же мужчина приехал за ними и повез показывать новый дом, в котором заканчивались отделочные работы. И вот живут теперь в Ивацевичах и не нарадуются. Ну, скажите, разве не Николай Угодник все это сделал?

Я не устаю повторять им, что без Бога ничего в жизни не добьешься. Когда жили они еще в Ястребеле, их домик был прямо у креста, точнее, крест был прямо на их участке. Смотри, Яночка, – говорю, – чтоб у тебя цветы росли всегда у креста, тогда и ты будешь цвести. Идешь на работу – молись до креста: он ваша опора и защита».

Ирина Богуш
Ирина Нелипович
Кс. Владимир Букляревич (фото)

Марина Кравцова

День Татьяны

Потухшими глазами смотрел Анатолий на фотографию юной женщины, милое лицо которой было освещено нежной улыбкой, и вспоминал. Вспоминал, что совсем недавно было у него счастье, называемое человеческой любовью, которое теперь ушло, сгинуло… Где искать?

Жил он один в двухкомнатной квартире, ставшей теперь мертвой и пустой. Горько…

Девушку с фотографии звали Татьяной. Изящная брюнетка, не слишком красивая, но с огромными светло-карими глазами, в которых он, смеясь, так часто искал свое отражение, как в крошечных зеркалах.

Где ты, Таня? Анатолий не мог сказать, сколько он просидел вот так, за столом перед пепельницей и драгоценным фото, сколько еще может просидеть. И он не заметил, как заснул за столом. Разбудил телефонный звонок – звонил приятель. Между делом он рассказал, что завтра его сын, студент-эмгэушник будет отмечать свой главный праздник – Татьянин день.

Татьянин день… Опять Татьяна!

Таня говорила ему, что святая Татиана – покровительница российских студентов, потому что ее имя носит храм при Московском Государственном Университете. Она и ее, Танина, святая… Анатолий зажег в комнате свет, достал с полки краткие жития святых, купленные из простого любопытства. Нашел там мученицу Татиану.

– Ну и ну! Женщины, ну вы даете! – в изумлении покачал головой Анатолий, закрывая книгу. В истинности прочитанного он ни на минуту не усомнился.

Он поставил книгу на полку и стал вслушиваться в надвигающуюся ночь. Он не любил тишину. А ведь мог бы сейчас звучать здесь негромкий смех Татьянки. И смех или плач их ребенка…

Собственно, с того вечера, когда он настоял, чтобы Таня сделала аборт, он ее и не видел. Тогда она вытирала частые слезы, но не возражала. А он, донельзя возбужденный, размахивая руками, доказывал:

– Мы же уже все решили! Поженимся через год, когда ты окончишь институт, а я защищусь. Тогда и будешь рожать.

И она ушла – покорная, согласная с ним во всем. А потом исчезла. Он звонил, искал ее по больницам, по десять раз на дню стоял перед закрытой дверью ее маленькой квартирки, в отчаянии подолгу нажимая на звонок. Потом он узнал от соседки, что она уехала – ушла с большим чемоданом, и больше ее не видели.

Ночью он в тысячный раз прокручивал сложившуюся ситуацию, в тысячный раз спрашивая себя: «Почему?» Практически не спав, в шесть часов он пошел бродить по утренней Москве, просто так, без цели. Когда он проходил через подземный переход, откуда-то сверху, с земли, а скорее даже с неба, раздался изумительный звук. Ему показалось, что никогда еще он не слышал такого!

Он вышел на улицу. В нескольких шагах от подземного перехода храм колокольным звоном звал на раннюю литургию, вызывая ощущение праздника, смывая будничную серость окружающего мира.

Анатолий считал себя неверующим, но Церковь уважал. Помолиться же ему никогда не приходило в голову. Но сейчас что-то менялось – он пока сам не мог понять, что именно. Он видел много храмов, но пока ни один не затрагивал его душу, в лучшем случае производила впечатление красота архитектуры. А этот вдруг не просто впечатлил его – притянул его с удивительной силой.

Анатолий вошел внутрь. Прихожан было очень мало на ранней службе. Анатолий, встав у двери, стал вслушиваться в то, что доносилось до его слуха из прохладной глубины храма. И ему стало легче на душе. Оглядевшись, увидел, что почти все малочисленные богомольцы покупают свечи, несут их в центр храма и ставят на подсвечник у большой иконы.

– Что это за икона? – полюбопытствовал Анатолий у пожилой женщины.

– Татиана-мученица! – женщина перекрестилась. – Сегодня праздник ее.

– Татьянин день!

И Анатолий вдруг понял, что за неведомая сила потянула его сегодня в храм – он жаждал веры, жаждал чуда. Он хотел вернуть свою Татьяну. Анатолий купил свечу и пошел к святой мученице Татиане, об удивительной судьбе которой читал вчера. Подошел и попросил о чуде…

Время шло, а он все ждал. И, как ни странно, со временем крепла уверенность, что чудо произойдет! Иногда он заходил в храм, стоял там некоторое время, но ничего уже не просил. Он просто уверенно, терпеливо ждал.

В один из замечательных августовских дней Анатолий получил приглашение на день рождения приятеля, жившего в другом городе. Ехать нужно было полдня, на двух электричках. В такие чудесные летние дни Анатолию казалось ужасным заключать себя в душное пространство вагона. А нынче электричка тащилась нестерпимо медленно. И вдруг на полпути поезд вообще остановился. И стоял целый час. Нетерпение Анатолия достигло предела. Но когда он понял, что электричка, на которую он должен был пересесть на конечной станции, чтобы отправиться дальше, уже ушла, то вдруг успокоился.

Конечная станция была тихой, провинциальной. Скромный вокзал маленького городка.

Анатолий направился в пристанционный магазин. Внутри почти никого не было, поэтому он сразу же обратил внимание на женщину с ребенком. А когда она обернулась к нему, то вздрогнул и кинулся к ней.

– Таня! – без конца повторял он, покрывая ее лицо поцелуями на глазах у изумленной продавщицы, с умилением взирающей на всамделишную сцену из сериала.

– Танюшка, глупенькая, куда же ты девалась от меня, куда сбежала? Это… этот малыш… наш? Надо же так встретиться! Таня, ну не молчи! Ты знаешь, что эта встреча – чудо? Ведь я молился об этом…

Объяснялись они уже в доме Таниной тетки, где она жила все это время. Сына Андрюшку Таня уложила в кроватку и расплакалась. Анатолий опустился на колени возле дивана, на котором она сидела, сжал ее руки в своих.

– Танюшка, дурочка! Ведь я тебя люблю! Как же ты могла?

– Ты не хотел нашего ребенка, – сквозь слезы выдавила Таня. – И я… я уехала…

– А ты знаешь, как я потом ругал себя за это!

– Правда?!

– Конечно! А какой мальчуган! Ну, расскажи мне все. А я расскажу тебе потом, как твоя святая помогла мне встретиться с тобой.

И Таня ему улыбнулась сквозь слезы той трогательно-нежной улыбкой, которую он всегда так любил…

После того, как Анатолий вырвал у нее согласие на аборт, Таня пошла на день рождения к подруге. Все веселились, шутили, пили и болтали без меры. А ей было тошно. Она жалела, что пришла. Когда начались танцы, Таня незаметно выскользнула на кухню. Невольные слезы застилали ей глаза, на душе было тяжко до омерзения.

На кухне курила женщина, она приятельски кивнула:

– Меня Любкой зовут, – сказала женщина, стряхивая пепел. – Ну ты чего такая надутая? Кажись, реветь хочешь?

– Хочу, – сказала Татьяна, и губы ее дрогнули.

– Кто из компании обидел, что ли?

– Да нет… Я пойду, ты куришь, а я беременная. Впрочем, – Таня жутковато усмехнулась, – теперь это все равно…

– Чего все равно-то? – прикрикнула Люба. Она была груба, но резкость ее не обижала Татьяну. – Чего? Чиститься собралась?

– Собралась, – прошептала Таня, обиженно поджав губы. Ей стало горько, что кто-то вот так грубо врывается в ее самое сокровенное. Ей захотелось крикнуть: «Да что ты можешь понять?!» Но Любка быстро, вдруг погасила папиросу, повернулась к Тане, и, глядя ей прямо в лицо, произнесла четко, как приговор:

– Дура! Все мы, бабы – несусветные дуры…

Ее глаза вдруг странно заблестели, она часто заморгала и взглянула на Таню почти свирепо…

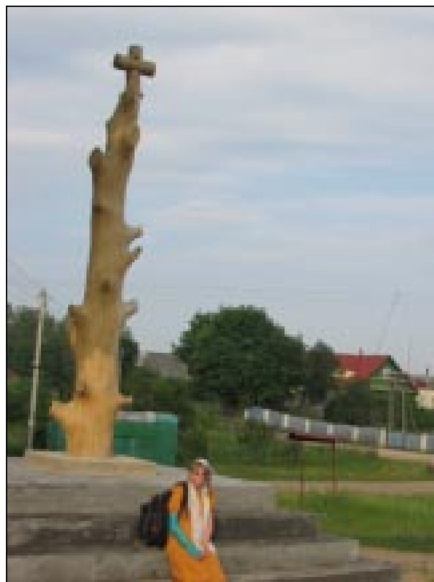
– Мне бы забеременеть – я бы все на свете отдала!

Она отвернулась, потому что тушь потекла у нее по щекам. Любка порылась в сумочке, начала возню с зеркальцем и носовым платком. Таня сидела и смотрела на нее, чувствуя, что сама вот-вот разревется.

– А чего ты так? – неожиданно спросила Люба, словно разговор между ними и не перерывался. – Мужика хочешь удержать?

– Это мое дело, – тихо ответила Таня.

– Твое… Будет твое, когда станешь как я, бесплодной, когда они тебе, детишки твои, по ночам не будут покоя давать… Я уж не выспавшаяся хожу постоянно, до двух-трех часов романы читаю, чтоб только отвлечься и не спать подольше… А как засну… Кошмар. В первый раз… я только школу окончила. Ну, тут, понятно, - переполох, ахи, охи… Мой сказал: сам тебя на аборт поведу. Накануне я все ревела: страшно. И было еще что-то такое… Я не понимала тогда. Ну, привели, отвели… Все обошлось… Как казалось. А через месяц такая тоска на меня навалилась! Нет, Танька, этого не передать. С тобой, может, также будет, ты запомни… Тогда я и курить научилась, и пить начала. С парнем этим

еще полгода встречалась, пожениться хотели… И вдруг опостылел он мне как-то… И мы расстались. А потом встретила хорошего человека, он ухаживать начал, уже и руку предлагал, а замуж мне за него не хотелось. Нравился он мне, но особенной любви… Я снова забеременела и тайком от него пошла на аборт. А когда проболталась сдуру, – такие глазищи стали у него, Танька! Век бы мне их не видеть! Чуть не плачет: «Что же ты наделала!» После этого у нас все пошло вкривь и вкось, и я от него ушла. И вот… Началось это… Как-то ночью вижу во сне личико такое маленькое, а глазки огромные, темные, на меня с укором смотрят… Поняла – это мой сын. А на следующий день он был с девочкой постарше… Это стало часто повторяться. Решила еще раз забеременеть и непременно родить! Тогда, думаю, прекратиться это. Познакомилась с одним. А не беременею, и все тут! Пошла к врачу, а он и говорит: детей больше никогда иметь не будете – последствие двух абортов. Дома напилась снотворного. Откачали меня тогда…

Таня уставилась в пол. Любка принялась разглядывать ее с интересом.

– Знаешь чего… – сказала она , – а давай-ка завтра встретимся. Я тебя в одно местечко свожу. Не бойся, плохого ничего… А хорошее, может, что-то и выйдет для тебя.

На следующий день они встретились. Любка привела Татьяну к больнице. До сих пор Тане не доводилось чего-то очень сильно пугаться. Но тут она испугалась – испугалась человеческих глаз. Вернее – отсутствия в них жизни, какой-то пустоты. Юная девушка, лет восемнадцати, не старше, сидела на кровати и качала на руках большую куклу. И никакой мысли на лице, никакого осмысленного жеста. И даже когда Любка поцеловала ее в голову и погладила, девушка никак не отреагировала на ласку…

Они вышли из больницы. И только в метро Люба заговорила со вздохом:

– Племянница моя… Старшей сестры дочь. Девушка красивая была – загляденье. Понравилась одному негодяю, туда-сюда, цветочки, конфеточки, колечки. Мать, вместо того, чтобы дочку выпороть, сама же ее на свидания отправляла. Как же – крутой бизнесмен! Через месяц он просто исчез, оставив «подарочек». Девчонка в слезы – родить хочу! А мать… Я теперь с сестрой своей вообще не разговариваю. Довела девчонку до безумия… Такая девочка была, а теперь… Врачи говорят – бесполезно. Ей, кроме куклы, никого не надо – она представляет, что это ее малыш.

Таня, потрясенная, молчала.

– А знаешь, – сказала ей напоследок Любка, – если не нужен тебе ребенок этот… роди и мне отдай. Я его вместо своего воспитаю.

– Нет, нет! – Таня почти закричала. – Это мой ребенок!

– Ну и слава Богу! – обрадовалась Любка.

В тот же день Татьяна, никому ничего не сказав, собрала вещи и уехала к тетке.

– Танюш, ну как ты могла! – Анатолий схватил ее за руку. – Почему ты мне ничего не объяснила?

Таня тихо, чуть виновато улыбнулась.

– А ты бы разве послушал?

Они тихонько подошли к кроватке, где спал младенец. «А ведь и правда, могли убить его, – Анатолий посмотрел на спящего мальчика и содрогнулся от этой мысли. – Моего сына…»

– Андрюшенька, – сказала Таня, наклонившись к малышу. – Знаешь, кто это? Ведь это твой папа….

Мальчик улыбнулся во сне. Анатолий осторожно поцеловал его в щеку.

– Да, я твой папа, – сказал он, – который тебя очень любит и теперь всегда будет с тобой! ■

В редакцию «Картуз-Березы» приходят письма из тюрьмы. Их авторы – заключенные. Заключенные, познавшие Бога. Они размышляют о вере и неверии, о добродетелях и грехах. Своими мыслями они делятся с читателями.

О маленьких грехах

Как часто мы не обращаем внимания на маленькие грехи, делаем их обыденными и повседневными, вкореняем эти грехи в нашу жизнь, не обращая на них никакого внимания. Более того, своим примером подталкиваем других – родных, близких, детей к повторению того, что мы сами сделали. Плохие слова, дурные мысли, маленькие проступки… Из них состоит наша жизнь. Если мы сейчас заглянем в себя, то увидим, как эти «мелочи» укоренились в нас. Мы часто не хотим признавать этого, и тем более менять себя. Мало того, мы думаем, что маленький проступок, дурная мысль или слово – это и не грехи вовсе. Мы заблуждаемся. Стоит нам открыть душу для посещения ее Господом, мы поймем, что после смертных грехов повседневный грех – самое большое несчастье для души, ищущей дорогу к Всевышнему.

Добродетель дает силу, любовь означает постоянство. Грех есть слабость и нестабильность, наше рабство по отношению к великому дару свободы, данной нам Богом. Грешник подобен человеку, завязшему в болоте. Как часто мы, верующие христиане, думаем, что мелкие грехи так малы, что не заслуживают внимания. Мы забываем о них говорить на исповеди, так как не считаем и вовсе их грехами. Мне приходилось даже сталкиваться с христианами, которые говорят, что они вообще не грешат. Само высказывание таких слов уже является грехом. Насколько мы горды, что сами себе не можем признаться в своих грехах. Да, мы можем лгать другим, себе, но Господь видит нас, перед Ним мы открытая книга, как стекло, на котором видна каждая пылинка (наш грех).

О просьбе и благодарности

Приходилось много раз встречаться с людьми, которые приходят в святыню Господа, где находят покой для души, но все же говорят, что Бог им ничем не помогает. Почему-то у них складывается мнение, что Господь должен их благодарить за то, что они пришли к Нему, должен сразу же дать все, о чем просят. Хотя еще не успели открыть Богу свое сердце. Не просят Господа посетить их душу, не хотят полностью доверить себя Богу и, самое главное, не могут с детской наивностью любить Господа. Ведь наша любовь к Богу помогает творить чудеса. Насколько мы духовно бедны, что сами не понимаем: Господь нам ничем не обязан, Он дал нам свободу выбора, и только нам решать, идти к Богу или нет. Нас никто насильно никуда не толкает, каждый может выбрать свой путь. Иисус нам помогает идти к Богу и сохранить самое ценное, что у нас есть – нашу душу. Душа нам дана, чтобы жить. Если мы губим свою душу, значит, мы мертвы духовно.

Мы очень много думаем о себе, о своих желаниях и мечтах, приходим в храм Божий лишь для того, чтобы просить, хоть не всегда умеем даже попросить искренне. А ведь дом Господень не только для просьб, он также для прославления Имени Господа и Сына Его Иисуса Христа, Который изо дня в день приносит Себя в жертву на алтаре ради нашего спасения.

Когда нам плохо, мы сразу вспоминаем Бога, взываем о помощи, так как она срочно понадобилась. Господь оказывает эту помощь. А что происходит потом? Потом мы забываем о Боге, забывает до того времени, пока Он срочно не понадобится снова. Представьте любого из нас на месте человека, к которому обратились за помощью. И вы помогли. Но тот, которому вы помогли, даже спасибо вам не сказал. Мало того, вовсе начал вас игнорировать, делать вид, что вас не знает. Но вот прошло время, и этот человек снова попал в беду и снова пришел к вам за помощью. И вы из-за своего милосердия и душевной доброты снова ему помогли. Но все повторилось заново, лишь с той разницей, что добавилось еще оскорбление и недобрые слова в ваш адрес. Как вы отнесетесь к этому человеку, когда он придет просить вас о помощи в следующий раз? Задайте себе этот вопрос и подумайте, не такое ли у нас отношение к Богу, не поступаем ли мы так, как тот просящий человек.

Господь, когда видит в наших сердцах истинное раскаяние, прощает нас. Его милосердие настолько велико, что мы разумом не можем этого понять, но мы сможем ощутить это сердцем, если откроем его для Бога. И тогда настанет новый этап в вашей жизни, этап единения с Господом.

Прошу вас, задумайтесь, загляните в себя, просите Божьей помощи, прежде всего для того, чтоб Он нас самих исправил. Просите не о росте кошелька, а о духовном росте. Просите Иисуса Христа, чтобы Он научил вас любить Бога так, как Он возлюбил Отца небесного.

О душе

Наша душа – это алмаз, данный нам Господом при зарождении жизни. Всю свою жизнь мы граним этот алмаз, для того чтобы после нашей смерти преподнести его Богу как прекрасный бриллиант. Не каждому из нас это удается за время жизненного пути. Некоторые считают, что есть дела поважнее, чем огранка алмаза. И со временем алмаз покрывается слоем пыли. Вместо того чтобы смести пыль и взяться за огранку, они дают ему дальше покрываться пылью, пока вместо алмаза не появится камень. Секрет в том, что многие этого сами хотят и не имеют желания обращать взор на состояние собственной души. Этим мы противимся воле Господа. Все, что мы делаем хорошее, исходит от Господа Бога, а все плохое – от нас людей и от лукавого. Поэтому надо просить доброго Бога помочь нам в огранке нашей души, просить об этом постоянно, не жалея сил. Слава Иисусу Христу!

Кто дружит с Лазаревым?

Не пытайтесь вспоминать, кто такой Лазарев: вы не знакомы с ним лично. Это главный герой пьесы, но герой, который не выходит на сцену. О нем все говорят, из-за него спорят, ругаются, но он остается «за кадром». Спектакль поставлен Надеждой Васильевной Кисилевой на сцене детской студии «Эхо». Он так и называется – «Кто дружит с Лазаревым?»

Этот спектакль о дружбе, человеческой верности и чести. Герои – обычные школьники-подростки, которые так же, как и все, попадают в какие-нибудь переделки. Автор не поучает зрителя, а просто рассказывает историю отношений между одноклассниками. И зритель понимает, что это взаимоотношения не только подростков, но и людей разных возрастов.

Автор пьесы ставит персонажей перед выбором: промолчать, отсидеться или сказать правду про Диму Лазарева, который попал в милицию. На протяжении спектакля меняются отношения между ребятами: то они друзья, то уже разбиты на группы, то вдруг «ополчились» против одного человека.

Удивительно, что все события происходят в одном месте – в школьном кабинете, без смены декораций, без «пикантных» сцен. Не всем, конечно, такое по душе, зато это позволяет зрителю сосредоточиться на игре актеров, глубже вникнуть в проблему. Надо обладать недюжинным талантом, чтобы такое сыграть. На протяжении сорока пяти минут (столько длится спектакль) удержать внимание зрителя зачастую не по силам даже профессионалам. А здесь на сцене школьники, которые иногда теряются, путаются в словах, но все-таки играют замечательно. Некоторые сцены были просто сильными. Благодаря мастерству артистов, мы смогли посмотреть на себя со стороны. Во время спектакля не один из нас задумался, есть ли у меня настоящий друг и умею ли я дружить.

А вот финал постановки многих разочаровал. Знаете, как бывает иногда после просмотра увлекательного фильма, когда хочется сказать: «Режиссеру не хватило пленки»? Вот и здесь. Финал открыт. Главный герой так и не появился на сцене. Но Лазарев заставил зрителя думать. Возвращаясь после спектакля домой, каждый дописывал пьесу сам.

Что дал нам, девятиклассникам, спектакль «Кто дружит с Лазаревым»? Он напомнил, что надо быть честным по отношению к себе, к друзьям, к одноклассникам, не молчать из трусости в тот момент, когда необходимо сказать правду. Он заставил многих из нас пересмотреть свои отношения с теми, кто нам дорог.

Как здорово, что в нашем маленьком городе ставятся спектакли «Кто дружит с Лазаревым?», «Полет кузнечика»! И играют в них не профессиональные актеры, а школьники-любители. Зрители, смотря такие постановки, видят себя со стороны и, порой, не замечая того, делают выводы.

Ученики 9 «А» класса
СШ № 2 г. Березы

КАРТУЗ-БЕРЕЗА

Основатель – Костел Святой Троицы г. Березы

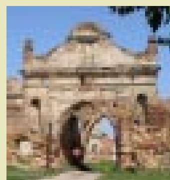
Главный редактор – Ирина Богуш

Церковный консультант – ксендз Петр Кубицкий

Журнал издается на пожертвования верующих

Распространяется бесплатно

Тираж номера 299

Адрес редакции:
ул. Ленина, 1а, 225210,
г. Береза
тел. (01643) 4-51-82

Наш р/с 3015202040012, Белагропромбанк, г. Береза (для журнала)

Содержание

